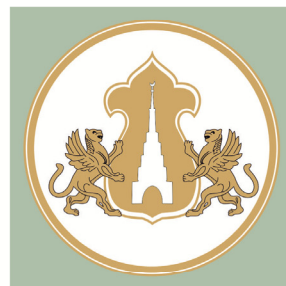

History and society

Тарих һәм җәмгыять

История и общество

THE MUSLIMS' PUBLIC AND RELIGIOUS WAY OF LIFE AND CHARACTERISTIC FEATURES OF THEIR RITES

Rashit Alimowitch Mukhamedov,
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov,
4 Plotshad 100-letiya so Dnia Rodjdeniya V. I. Lenina, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation.
rasit56@mail.ru.

This article explores the essence of Muslims' social and religious life and characteristic features of the rituals conducted by representatives of Islam. The author draws attention to the fact that the baptized Tatars, who later withdrew from Christianity on their own initiative, developed, throughout the nineteenth century, the same ritual practices as Islam followers. Actually, Orthodox Tatars secretly professed Islam, which served as a prerequisite for these practices. The article contains extensive information obtained during the in-depth and detailed analysis of archival materials stored in the State Archive of Ulyanovsk Region. This information confirms the point of view expressed by the author in his previous works. The author believes that the time of Orthodox Tatars' mass return can be considered as the end of the apostate movement, which lasted from 1866 to 1868. Since 1968, in spite of the concern of the Orthodox clergy and authorities, the Tatars, who had departed from Orthodox Christianity, ceased to hide from general public their rites of funerals and while performing other religious practices. The rituals of Tatars who "departed" from Orthodox Christianity gradually began to return to Islamic sources. At the end of the 19th century, the key issue discussed in most families of baptized Tatars was the issue of upbringing children as Muslims. The article concludes that in the late 19th century "baptized Tatars" tended to return to Islamic in everyday life and culture.

Key words: "baptized" Tatars, Muslims, Islam, apostate movement, Alkoran, nikah, mullah, rite.

Tatars, who once were baptized, and later, decided not to remain Christians, developed Islamic ritual practices during the 19th century. These ritual practices were predetermined by the criteria of professing Islam secretly.

Regularly observing Christian traditions, at the beginning of the 19th century Orthodox (Christian) Tatars often continued to adhere to Muslim faith in secrecy. Repeated confirmations of this could be found in materials obtained from archival funds. According to the records of the local clergyman,

Orthodox Tatars, living in the villages of Pimurzino and Old Tinchali, baptized their sons and daughters, got married and buried the deceased as Christians. They spent about two days a week visiting the local church, frequently neglecting confession. On a mandatory basis, they visited the church along with other local residents on the first Easter day, but did not observe the generally accepted Christian Lent. In their dwellings, Orthodox Tatars kept icons, however small, and when their

houses were visited by a priest with a holy cross, it was mostly men and elderly women who kissed it.

At the same time, "baptized" Tatars were noticed to carefully observe Muslim fasting, their ancestral holidays and they kept wearing a traditional headdress - a skull cap. While talking with a local priest, peasant Pud Filippov, who lived in the village of Chikildim, admitted that he continued to keep faith in Islam, observed Uraza and ate horse meat, but until the beginning of 1965, he hid it from other villagers' eyes. The Report from the Simbirsk Spiritual Consistory, dated February 5, 1869, informed that "in the early 19th century, Christian Tatars, who lived in the village of Burgany, went to church, confessed, performed the sacrament of baptism, got married following Orthodox Christian canons, but did not comprehend many of the sacraments of Christianity. According to the external appearance and their family life, they were more like Mohammedans than Orthodox Christians, that is, these Tatars shaved their heads following the Islamic custom, wore national costumes and headdresses, and in some cases secretly observed Uraza".

In addition to observing Uraza and celebrating Muslim holidays, baptized Tatars had the same way of life as the Tatars-followers of Islam, which is confirmed by the information from archival funds. Such phenomena of material culture as wearing a headdress, food, as well as a hairstyle, focused attention on the existence of ethnic unity of both the baptized Tatars and followers of Islam.

A prayer, addressed to the higher powers, is a key element of any cult practices. In the Islamic religion, one of the five symbols of faith is namaz, the fulfillment of which must be strictly observed by its true believers. Many historical documents contain information about the performance of namaz by the "baptized" Tatars as an important symbol of faith in their everyday life. The analysis of these sources makes it possible to recreate the key moments of namaz, performed by "baptized" Tatars, as well as to gain knowledge about the prayer itself and the rules that must be adhered to in its execution.

It should be emphasized that baptized Tatars' ability to use traditional Islamic writing was significantly reduced due to the existing religious dissociation between Christian Tatars and representatives of Islam, as well as between state and church policy, whose main goal was to keep them as Christians. However, a number of sources contain references to Tatars converted to Christianity saying Islamic prayers on a regular basis.

According to the information found in judicial records, some families of Tatars, converted to Christianity, had a tradition to pass the knowledge of prayers from senior representative of the family to the son [SAUR. F. 117. In. 6. File 14, pp. 19 – 20]. In 1968, "baptized" Tatars, who lived in the village of Burgany, told the investigator during an interrogation that they said prayers at home as visiting the mosque was banned [SAUR. F. 108. In.1. File 55, p. 142]. The interrogated, Bikinya Mukasev, said that "way back his father and grandfather said Islamic prayers, the content of which his father had passed to him in his early childhood. Those prayers he read aloud to his family members" [Ibid., p. 158]. Judging by the judicial records, Bikinya Mukasev was about 65 years old. Thus, it can be stated that the sacraments of a Muslim prayer were preserved in his family from the moment his ancestors were baptized, namely from the 18th century. Besides Mukasev, his neighbors, Abulkhan Amirov and Nevmetulla Yusupov, provided the same information [Ibid., p. 158].

When the Tatars, converted to Christianity, read their prayers among family members, not in the mosque, it did not contradict Islamic teachings, since Shari'ah recognizes two types of Islamic prayers: Furadi, considered to be a solitary prayer and Jamaay – a public one. A solitary prayer was said mainly in homes, and the worshipers secluded themselves in some place. Moreover, according to Shari'a, a public prayer was of particular value [Kerimov 1978, p. 44]. In Simbirsk province, Tatars, followers of Islam, often went to a mosque to pray.

In addition to the custom of oral transmission of Muslim prayers, the Tatars, converted to Christianity, had another tradition - studying and learning the language, key rituals and the Koran, which the older members of the family carefully maintained. Azi Amirov, who received the name Dmitry when christened, said the following about himself: "Since my infancy, I have always remembered to pray according to Islamic rituals, understood the Tatar language and knew how to write in it and read Alkoran. However, I didn't go to mosque, as there was no free time because of work, and I prayed at home. At the same time, if during the prayer and reading of Alkoran, my neighbor or some guests visited my house, I did not interrupt the prayer and continued reading Alkoran and I did it not with obvious intent, but to follow the rules of Mohammedanism, according to which, interrupting a prayer and reading of Alkoran is prohibited, regardless of any incidents or events".

It should be noted that his wife Fatima Shari-pova, who lived in the village of Gryaznukha, was also literate in Tatar [SAUR. F. 318. In. 3. File 319, p. 4]. At the same time, it should be taken into account that the level of literacy among Tatar peasants, converted to Christianity, was not high. The peasants, who could read and write in Tatar, accounted for a very small percentage of the “baptized” Tatars. Moreover, the oral tradition of saying Muslim prayers was not widely spread among them either. A confirmation of this fact can be the petition of the Tatars, converted to Christianity, drawn up in 1827. According to the petition, the majority of the “baptized” Tatars did not observe either Orthodox or even Muslim religious rites, but wished to become followers of Islam on the basis of their ethnicity [Mozharovsky 1880, p. 117].

Archival documents refer to no pilgrimage of Christian Tatars to Mecca. It is not surprising, as no one of them was able to perform this pilgrimage, since even for a Muslim from the Simbirsk province this pilgrimage was akin to a feat at that time. In total, in the province, only about ten people from among followers of Islam were pilgrims, mainly muezzins and mullahs [SAUR. F. 76. In. 1. File 399, pp. 17, 42].

The “apostate movement” arose among “baptized” Tatars, because of false rumors about the imperial decree, according to which free practice of Islam was allowed. Converted to Christianity Tatars, registered on the territory of thirty-four villages, spontaneously took part in the movement.

Since the end of the apostate movement, which lasted from 1866 to 1868, Christian Tatars stopped hiding from their neighbors while performing Islamic rituals. Orthodox representatives of the clergy were concerned about unprecedentedly numerous non-observances of Christian religious rites. Beginning in 1968, those Tatars, who did not want to stay Christian, ceased to hide their real faith both during funerals and while performing other religious rites. When a new member of the family was born, the father would come up with a name for him and said a religious prayer over the baby. The religious norms of marriage arrangements were simplified, reduced to the couple’s voluntary refusal of the *nikah* and their consent to be married. During a marriage ceremony, someone from close or distant relatives often read a prayer. According to archival sources, these facts were noted in the following villages: Triebaltayevo, Chichkanovo, Old Chekurskoye, Novaya Zadorovka, and others [SAUR. F. 108. In. 1. File 50, p. 142].

It is worth noting that long before Tatars, who had accepted Christianity, began to return to Islam on a large-scale, the appearances of their graves had their own distinctive features in the funeral rites performed by local priests. The presence of these features, most likely, can be explained by the influence of Islamic traditions, which had not been eradicated from the daily life of “baptized” Tatars.

In the noblemen Stulkins’ cemetery, located in the village of Petryaksy in the Kurmyshsky district, there were no Orthodox crosses on their burials [SAUR. F. 134. In. 7. File 345, p. 2]. In 1880, this fact was mentioned by Frutov, a clergyman who lived in the village of Turunovo: “... when the noblemen Stulkins adhered to Christianity, I performed the ceremony of a Christian burial ...” [GAUO. F. 340. In. 9. File 14, p. 30]. In most cases, after the demise of a person, who adhered to Christianity, the funeral dirge was performed in the church where the body was located until the time of its burial [Life of Man ... 1996, p. 235].

According to the information obtained from archival sources, the noblemen Stulkins, did not leave the bodies of the deceased in the local church, and the funeral services were performed directly from their houses. In the summer of 1880, after the death of Athanasius Stulkin, the local priest suggested that his family members be provided with a coffin and the body of the deceased be delivered to the church, but he got a refusal on the ground that “... none of Christian Tatars, had previously delivered deceased members their families to the Znamensky church, and had performed the funeral service directly in their house” [GAUO. F. 134. In. 7. File 345, p. 2]. Consequently, it is necessary to mention that although Islam does not ban the placing of the body of the deceased in a mosque, the code of rules does not approve of it either [Kerimov 1978, p. 55]. According to K. Fuchs, among the Tatars who adhered to Islam, the mullah said a prayer over the deceased first in his dwelling, and then near his grave, but his body was not delivered to the mosque [Fuchs 2015, p. 85].

In connection with the facts stated earlier, we can draw the following conclusion: in this specific case with the noblemen Stulkins, who had accepted Orthodox Christianity, the funeral ritual can be considered pseudo Christian, since only the local priest participated in it and many requirements were not fulfilled. The burials had no Orthodox crosses, the prayer for the deceased was said in his dwelling, and his body was buried without being placed in a coffin. The documents have no information about the depth of the grave and the pres-

ence or absence of a niche on the right side, which is required by the Islamic canons. According to other criteria, except only for a Christian priest and his prayers, this rite was Islamic.

The archival sources inform that since 1866, the number of those participating in the funeral rituals of Christian Tatars often did not correspond to the generally accepted number of people, according to the norms of Islam. Islam requires that the body of the deceased be buried by six people - half of them at the bottom of the grave and the other half - at the top [Mukhametshin 1977, p. 14]. In the Simbirsk province, these norms were not observed by Christian Tatars. In the village of Polevye Bikshiki [SAUR. F. 340. In. 9. File 14, p. 5], the funeral ritual was attended by only four people [Ibid. F. 134. In. 7. File 149, p. 182], in the village of Ishakovo there were three, in the village of Pimurzino - five [Ibid. D. 181, p. 31], in the village of Ishmurzino-Surinsky - eight [SAUR. F. 134. In. 7. File 217, p. 10], and in the village of SorokaSaidakithere there was only one [Ibid. F. 340. In. 9. File 20, p. 4].

Moreover, the Tatars, who had departed from Orthodox Christianity, did not always bury their deceased within the time limits set by the Islamic canons. In some cases, the burial was performed either in three days [SAUR. F. 134. In. 7. File 70, p. 103], or a day after [Ibid. F. 117. In. 8. File 7, p. 9]. However, according to the information from archival funds, the funeral rite was in most cases carried out directly on the day of death of the deceased [GAUO. F. 117. File. 181, pp. 14, 57]. In that case, there were doubts that the Tatars, who had departed from Orthodox Christianity, performed the funeral rite precisely in accordance with the requirements of the Sharia. The Tatars might have buried their loved ones directly on the day of their death fearing the oppression on the part of the authorities and the Orthodox Church.

Beginning with the mid 1960s, the Tatars, who adopted Orthodox Christianity and later departed from the new faith, buried their deceased relatives in cemeteries, allotted to "baptized" Tatars as they used to do before. However, the outward appearance of the burials had undergone a dramatic change: Orthodox crosses were broken and removed from the graves [Chicherina 1905, p. 145]. In the following years, Tatars, who departed from Orthodox Christianity, began to set up their cemeteries on new territories. Tatars, who had accepted Orthodox Christianity, lived together with representatives of the Chuvash people in the village of Cherepanovo until 1892, the following year their

families moved to another territory, as a result, the village of Tatar Cherepanovo was founded. Until the beginning of 1892, Tatars, who had departed from Orthodox Christianity, had their own cemetery, separate from Orthodox Chuvash. When the process of Tatars' resettlement was over, they received, at their request, a place for a cemetery, located outside the village near the road [GAUR. F. 88. In. 2. File 1111, pp. 5, 7].

It should be noted that the remote cemeteries of Christian Tatars, who had departed from the faith, served as evidence of their religious separation from Tatars who professed Islam [Ibid. F. 134. In. 7. File 149, pp. 166 – 167]. In the village of Polevye Bikshiki, the cemetery where Muslims were buried was outside the village at a distance of about 75 fathoms. At the same time, on the territory of the village, there was a cemetery of Christian Tatars, who had departed from the faith. It was made without obtaining the necessary permission from higher authorities. After the instructions issued by the authorities, according to which it was necessary to move the cemeteries to the distance established by the legislative act, namely to the distance exceeding 250 fathoms from the settlement, the Muslims moved the borders of their cemetery to 56 fathoms on one side of the road and the "baptized" Tatars did the same on the opposite side [GAUR. F. 134. File 1270, pp. 15, 17].

In the Islamic funeral ritual, the key moment is reading the prayer over the deceased, without it the funeral is considered to be performed with violation of rules [Kerimov 1978, p. 52]. The mullah reads Surah Number Thirty-Six, and in some cases Sixty-Seven over the deceased, the main meaning of the prayers is the fate of the soul of the dead in another world. In the absence of a mullah, the reading of surahs was performed by a man of advanced age or by any of the women. This ceremony was carried out in the dwelling of the deceased who was a representative of Islam. Having performed the removal of the body of the deceased from his/her house, the funeral procession briefly stopped near the mosque, where the short prayer "Jenazah" was read, and then, near the burial place, Surah Sixty-Seven, called "Mul'k", was read [Fuchs 2015, pp. 86 – 87].

Most archival sources confirm that during the funeral ritual, Christian Tatars read prayers [GAUR. F. 117. In. 6. File 8, p. 11]. For example, in 1968, a resident of the village of Polevye Bikshiki, Mazit Atnagullo, together with five other Tatars, who had departed from Orthodox Christianity, performed a funeral ritual over his mother in

the absence of a mullah, since the latter did not agree to participate. Six people read a Muslim prayer over the deceased [Ibid. F. 134. In. 7. File 149, p. 166]. In the same village, the Orthodox Tatar, Gerasim Mikhailov, personally performed a funeral ritual over his father and read “a prayer from Alcoran, carrying out the descent of his body into the previously prepared grave” [Ibid., pp. 173 – 174]. Similar cases were also observed in the village of Ishakovo. During the funeral ritual of Sergei Anisimov, the relatives personally performed the prayer read by the mullah. Proceeding from the above mentioned information, we can assume that the Tatars, who had departed from Orthodox Christianity, performed prayers near the prepared grave, most likely, ignoring the prayer read at the mosque.

There is scarce information available about the essence of the prayer itself. In 1868, Khusnetdin Izmaylov, who lived in the village of Soroka Saidaki, read the prayer “Bismi-la Rahman Rahim” at the funeral of his father [GAUR. F. 340. In. 9. File 20, pp. 2 – 3]. This statement is the initial part of the surah in the Qur’an, and if we try to translate its content into the Russian language, it will sound in the following way: “In the name of the Allah, the Merciful and the Compassionate” [Koran, 1998].

In this regard, it is almost impossible to state that Khusnetdin Izmaylov was familiar with the content of Surah Thirty-Sixth or Sixty-Seventh, which were read during the funeral ritual. If we assume that Husnetdin learned the content of the prayers from his close relatives, at the funeral rite he probably read the First Surah, which is quite elementary and easier to remember.

The sources confirm that elderly people, who came at the request of the family of the deceased to read a prayer, often took part in funeral rituals [SAUO. F. 117. In. 6. File 8, p. 11]. Such cases are registered in the village of Polevye Bikshiki in 1967, when relatives performed a funeral ritual over Alexei Nikolaev. The mullah invited by them did not agree to take part in this ritual, because of which the family of the deceased had to turn to elderly representatives of Christian Tatars [Ibid. F. 340. In. 9. File 14, p. 5]. It should be emphasized that this practice was also spread among Muslim Tatars. However, Muslim Tatars invited their elderly representatives to perform prayer readings in exceptional cases, the most important of which was the absence of a Muslim mullah at the funeral.

Thus, the above mentioned information, concerning the funeral ceremony of Tatars, who departed from Orthodox Christianity, allows us to

conclude that their ritual had its own distinctive features compared to the one of the Tatars professing Islam. One of such characteristic features was the fact that the Muslim mullah did not attend the funeral ceremony of the “departed” baptized Tatars and did not perform the reading of the prayer. The burial of the deceased took place at a cemetery which was at a certain distance from Muslim Tatars’ burials.

The generally accepted Islamic norms, observed at the funeral rituals, in most cases were not observed by baptized Tatars due to the reasons beyond their control. They violated such norms as the funeral period, prayer reading, and the number of people who took part in the funeral ritual. Archival documents refer neither to practices of preparatory measures for the body of the deceased, nor to the memorial ceremony after the burial.

In the daily religious life of Christian Tatars, besides the mourning ritual, there were also religious rites for giving the name and joining the marriage union. The archival sources provide information about families of Christian Tatars, members of which before their return to Islam, gave two names to babies: a Christian name and a Tatar name [SAUR. F. 115. In. 11. File 21, p. 7]. However, this circumstance was not given any religious significance.

Only when Christian Tatars returned to Islam did they radically reconsider their opinion on the significance of this religious ritual. From that moment on, the name given to a baby not only identified its bearer as a representative of the Tatar people, but also served as a characteristic feature, emphasizing his/her belonging to a Muslim religious community. One example that emphasizes the importance of observing religious rites is the opinion of baptized Tatars who returned to Islam. It is vividly declared in the interrogation of Zedikhan Gafarov, who was forced to move from his native village Novye Kakerli to the neighboring village of Karlinskoye because of his refusal to stay Orthodox Christian. According to the interrogation protocol, Zedikhan confessed that he did not baptize his daughter, since he considered this to be a great sin against Islam, consequently, he gave his daughter a Tatar name [SAUO. F. 318. In. 3. File 302, pp. 1 – 5].

Babies of those Tatars, who “had departed” from Orthodox Christianity, were mainly given names by heads of their families, the father of the child [Ibid. F. 134. In. 7. File 149, p. 226]. It was he who read a prayer over his baby. However, according to the information from an archive, there were

some exceptions when sometimes, instead of the father of the family, the baby was named by a “mid-wife” [SAUR. F. 108. In. 1. File 50, p. 142]. Tatars followers of Islam would invite a mullah to perform the religious ritual called “at kushu” when a baby was born. [Ibid. F. 322. In. 3. File 8, pp. 12 – 13]. Only men took part in this ritual, and its result was registering the child's name in a special metric book by an Islamic mullah [Fuchs, 2015, p. 84].

There were also significant changes in the marital status that occurred after the mass apostasy movement of “baptized” Tatars. Earlier, “baptized” Tatars, had tried to adhere to the generally accepted Christian rule, according to which it was allowed to have no more than one wife. However, after the authoritative pressure on Tatars was eased, most of them stopped observing this rule and switched to polygamy. The following information of the Kaisar Volost Administration survived, according to which in March 1866, Orthodox Tatar Ivan Afanasyev, who lived in the village of Elhovo Ozyornaya, and having a wife, entered into a marriage with another woman, the marriage was blessed by Mullah Fetkulla Nasardinov [SAUR. F. 134. In. 7. File 149, p. 39].

But there were also cases when “baptized” Tatars married the second time and for fear of being persecuted by the authorities concealed this fact in every possible way. For example, the “baptized” Tatar, Semen Stepanov, who lived in the village of Triyekh Baltayevo, had a wife and five children born by her, got married for the second time to his niece, Nikandra Ivanovna. Since this marriage occurred before he returned to Islam, he temporarily returned his wife and the child born by her to her father. After he converted to Islam, he stopped hiding this fact [SAUR. F. 134. In. 7. File 213, p. 87]. Polygamy became widespread in the late 19th century. Ivan Titov, Tukhvetulla Gubeydullov and Denis Alexeyev had two wives [Ibid. File 578, p. 139].

After the end of the apostate movement, Christian Tatars began to ignore the ceremony of church wedding, and the marriage was concluded on the basis of agreement between the parents of the newlywed and was fixed by reading a short prayer. In July 1868, as the bailiff of the Buinsk district noted, the Tatars, who had departed from Orthodox Christianity, consolidated their marriage without a church wedding, reducing the ceremony to a mutual consent of the parties [SAUO. F. 108. In. 1. File 50, pp. 142, 159].

According to archive information and the memories of the Tatar, Sagdetdin Fakhardinov,

about the marriage ceremony in the village of Buinka, “... his marriage was registered as follows: the bride's father came to the bridegroom's house, and asked whether the groom agreed to marry or not, if he did, “Amen” was pronounced and the ceremony was performed” [Ibid. F. 117. In. 8. File 244, p. 11]. However, sometimes the parents did not participate in the marriage ceremony. Bikini Mukasev's wife remembered: “The day I got married, I did not marry him in the church and we did not perform an Islamic ritual, confining ourselves to a short prayer in the Tatar language, after which he took me to his house” [Ibid. F. 108. In. 1. File 50, p. 158]. Thus, this fact suggests that the marriage was concluded by the consent of the bride and groom. It should be noted that Christian Tatars, who lived in Simbirsk Province, did not consider the marriage ceremony to be religious [Mukhamedova 1972, p. 164].

In Islam, the emphasis is placed on the agreement of the bride's and groom's parents concerning the marriage conditions and presence of mullah who performs “nikah”. After that, the marriage is considered endorsed and concluded. The Orthodox ceremony of Tatars, who departed from the faith, was different. In 1849, a Tatar, Abrakhman Khaliyov, who lived in the village of Burgan, immediately began to live together with his wife, without performing a marriage ceremony either according to Orthodox, or Muslim canons [SAUR. F. 108. In. 1. File 50, p. 163]. A similar incident occurred in the village of Nizhny Naradbash, when Timerbulat Tugeyev married Galiya Galeeva in 1869 [Ibid. F. 340. In. 10. File 6, p. 3]. Proceeding from this, it can be assumed that Christian Tatars, who had departed from the faith, did not consider the marriage ceremony obligatory and often missed it, but immediately started a married life together. The only condition needed for such a marriage was the bride's consent.

In the second half of the 19th century, families of baptized Tatars were concerned with the issue of upbringing their children in Islam [SAUR. F. 117. In. 6. File 2, p. 6]. Fathers and mothers tried in every way to instill the love of Islam in their offsprings from infancy, even by prohibiting to practice Christian customs. In the village of Sosnovka, Sengileevsky Uyezd, children did not adhere to the Christian faith, because of the strict prohibition on the part of their parents [Ibid. F. 124. In. 3. File 492, p. 3].

Thus, it was in the second half of the nineteenth century when Tatars, who departed from Orthodox Christianity, acquired traditions of Muslim

Tatars in their everyday life. Baptized Tatars' way of life was similar to that of followers of Islam [SAUR. F. 134. In. 7. File 578, pp. 52 – 53, 66, 98, 117, 128], and their houses were decorated in Tatar style [Ibid. 345, p. 3]. Based on this we conclude that Tatars, who departed from Orthodox Christianity, gradually developed a tendency to return to the ways of life generally accepted in Islam.

References

Chicherina, S. (1905). *U privolzhskikh inorodtsev* [Visiting Volga Region Non-Russians]. Putevye zametki. 210 p. St. Petersburg, tip. V. Ia. Mil'shteina. (In Russian)

Fuks, K. F. (2015). *Kazanskiye tatory v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh* [Kazan Tatars in Statistical and Ethnographic Relations]. Pere-lozheniye na sovremennyy russkiy yazyk A. G. Khoroshavinoy; nauch. red. i predisl. I. I. Bikeyeva. 107 p. Kazan, izd-vo "Poznaniye" Instituta ekonomiki, upravleniya i prava. (In Russian)

GAUO (Gosudarstvennyi arkhiv Ul'ianovskoi oblasti).

Kerimov, G. M. (1978). *Shariat i yego sotsial'naya sushchnost'* [Sharia and Its Social Essence]. Moscow, Nauka, 222 p. (In Russian)

Koran (1990) [The Quran]. Per. s arab. akad. L.Yu. Krachkovskogo. 511 p. Moscow, SPIKPA. (In Russian)

Mozharovskiy, A. F. (1880). *Izlozheniye khoda missionerskogo dela* [Information of the Progress of the Missionary Work]. 262 p. Moscow, O-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te. (In Russian)

Mukhamedova, R. G. (1972). *Tatory-mishari: etnograficheskoe issledovanie* [Tatars-Mishars: Ethnographic Research]. 248 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Mukhametshin, Yu. G. (1977). *Tatory-kriasheny: istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Tatars-Kryashens: Historical and Ethnographic Study of Material Culture (the mid 19th – early 20th centuries)]. 184 p. Moscow, izd-vo Nauka. (In Russian)

Zhizn' cheloveka ot kupeli do pogosta (1996) [A Person's Life from the Baptistry to the Graveyard]. (Narodnye obychai, molitvy, pravila i kodeks povedeniia pravoslavnogo cheloveka vo vremia vazhneyshikh sobytiy iego zemnogo bytiia). Sost. V. A. Alekseev, I. A. Pankeiev. 272 p. Moscow, Rossia molodaia. (In Russian)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ УКЛАД ЖИЗНИ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ОБРЯДОВ МУСУЛЬМАН

Рашит Алимович Мухамедов,

Ульяновский государственный педагогический

университет им. И. Н. Ульянова,

432071, Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 4,

rasit56@mail.ru.

Данная статья рассматривает суть социального и религиозного быта мусульман, а также характерные черты обрядов, проводимых представителями ислама. Автор акцентирует внимание на том, что у крестившихся татар, отошедших в дальнейшем по своей инициативе от христианства, на протяжении XIX столетия складывалась такая же обрядовая практика, как и у последователей ислама. Предпосылками такой практики стала прежде всего тайная форма вероисповедания православными татарами ислама. В статье приводятся многочисленные сведения, полученные при осуществлении глубокого и детального анализа архивных материалов, хранящихся в ГАУО. Данные сведения подтверждают выдвинутую ранее автором точку зрения: началом массового возвращения православных татар можно считать окончание отступнического движения, длившегося с 1866 по 1868 гг. Именно с 1968 года, невзирая на обеспокоенность православного духовенства и властей, отошедшие от православной веры татары перестали таиться от общественности как при проведении похорон, так и при исполнении иных религиозных обрядов. Обряды у «отошедших» от православной веры татар постепенно стали возвращаться к исламским истокам. В конце XIX столетия в большинстве семей крещеных татар ключевое место стал занимать вопрос, связанный с воспитанием детей в соответствии с мусульманскими религиозными канонами. Автор отмечает, что в последние годы XIX столетия у крещеных татар все отчетливее проявлялась тенденция возвращения к исламскому образу повседневной жизни и культуры.

Ключевые слова: крещеные татары, мусульмане, ислам, отступническое движение, Алкоран, никах, мулла, обряд.

У татар, прошедших крещение, а впоследствии по своей инициативе отошедших от православной веры, в течение XIX века складывалась обрядовая практика последователей ислама. Данная обрядовая практика предопределялась критериями скрытого исповедания ислама.

Православные татары, исправно соблюдая такую обрядовую практику в начале XIX столетия, зачастую втайне от других продолжали следовать мусульманской вере. Неоднократные подтверждения этому удалось обнаружить в материалах, почерпнутых из архивных фондов. Например, согласно записям местного священнослужителя, православные татары, живущие в деревнях Пимурзино и Старые Тинчали, крестили своих сыновей и дочерей, венчались, а также хоронили усопших по православным обычаям. Они в неделю уделяли около двух дней на посещение местной церкви, при этом далеко не всегда уделяли внимание исповеданию. В обязательном порядке посещали церковь наряду с другими местными жителями в первый пасхальный день, однако при этом не придерживались общепринятых христианских постов. В своих жилищах православные татары хранили иконы, но достаточно маленького размера, а когда их дом посещал священник со святым крестом, то к нему прикладывались главным образом мужчины и пожилые женщины.

Отмечается, что крещеные татары тщательно при этом соблюдали мусульманские посты, помнили о своих исконных праздниках и носили традиционный головной убор – тюбетейку. Например, крестьянин Пуд Филиппов, живший в деревне Чикилдым, в беседе с местным священником признался, что он продолжал оставаться сторонником исламской веры, держал уразу и питался кониной, однако до начала 1965 года это скрывал от других жителей деревни. В докладной записке Симбирской духовной консистории, датируемой пятым февралем 1869 года, отмечалось, что «православные татары, жившие в деревне Бюрганы, ранее в начале столетия посещали церковь, исповедовались, совершали таинство крещения, венчались согласно православным канонам, однако так и не постигли многих тайн христианской веры. Согласно внешнему облику и роду своей жизни, они походили более на магометан, нежели на последователей православной веры, то есть данные татары брили по исламскому обычаю голову, носили национальный костюм и головной убор, а в некоторых случаях скрытно

придерживались уразы» [ГАУО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1111].

Исходя из сведений, полученных из архивных фондов, в культурной жизни татар, прошедших крещение, кроме соблюдения уразы – мусульманского поста, а также отмечаия мусульманских праздников, наблюдались такие же признаки, как и у татар, последователей ислама, в их ежедневном быте. Такие явления материальной культуры, как ношение головного убора, пища, а также прическа, акцентировали внимание на существовании этнического единства как крещеных татар, так и последователей ислама.

Молитва, обращенная к высшим силам, – это ключевой элемент культовой практики. В исламской религии одним из пяти символов веры был намаз, исполнение которого неукоснительно должен соблюдать истинный ее последователь. Исполнение намаза как важного символа веры в повседневной жизни у крещеных татар неоднократно упоминалось в большинстве исторических документов. Анализ данных источников дает возможность воссоздать ключевые моменты соблюдения намаза крещеными татарами, а также знания о самой молитве и правилах, которых необходимо придерживаться при ее исполнении.

Необходимо особо выделить тот факт, что из-за существовавшей религиозной разобщенности между православными татарами и представителями ислама, а также государственной и церковной политики, главной целью которой было удержание в христианской вере крещеных татар, возможность использовать последними традиционную исламскую письменность была ограничена. Однако в целом ряде источников упоминались сведения о соблюдении татарами, обращенными в православную веру, ежедневной исламской молитвы.

К примеру, исходя из сведений, почерпнутых из судебных материалов, в некоторых семьях татар, обращенных в православную веру, существовала традиция, согласно которой знания о молитве передавались от старшего представителя семьи к его сыну [ГАУО. Ф. 117. Оп. 6. Д. 14: 19–20]. В 1968 году татары, обращенные в православную веру, жившие в деревне Бюрганы, на допросе сообщили следователю о том, что они соблюдают молитву у себя дома, в связи с запретом им посещать мечеть [ГАУО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 50. Л. 142]. Допрашиваемый, Бикиня Мукасев, отмечал, что «еще его батюшка и дед со-

блюдали исламскую молитву, содержание которой ему впоследствии в ранние детские годы передал отец. Данные молитвы он читал членам семьи в слух» [Там же, л. 158]. Бикини Мукасева, судя по судебным сведениям, было около 65 лет, в связи с этим можно утверждать, что таинства мусульманской молитвы начали передаваться в его семье начиная с момента крещения его предков, а именно с XVIII столетия. Кроме Мукасева, его соседи Абульхан Амиров и Невметулла Юсупов, рассказали подобные сведения [Там же, л. 161–163].

Чтение молитвы татарами, обращенными в православную веру, в кругу домашних членов семьи, а не в мечети не вызывает противоречия среди последователей ислама, так как шариатом были признаны два типа исламской молитвы: фуради, считавшаяся одиночной, и джамае – общественной. Одиночная молитва проходила главным образом в домах, а молящийся уединялся в каком-либо месте. При этом, согласно шариату, особую ценность имела непосредственно общественная молитва [Керимов, с. 44]. В Симбирской губернии татары, последователи ислама, зачастую посещали для молитвы мечеть.

Кроме обычая устной передачи мусульманской молитвы, среди татар, обращенных в православную веру, бытовала также и иная традиция, которой тщательно придерживались старшие члены семьи: изучение и познание языка, ключевых обрядов и Корана. Например, Азей-Амиров, получивший при крещении имя Дмитрий, говоря о себе, отмечал следующее: «Начиная с младенчества я постоянно не забывал молиться по исламскому обряду, понимал татарский язык и умел на нем писать, читал Алкоран; однако мечеть не посещал, так как отсутствовало свободное время из-за работы, а молился у себя дома; при этом если во время молитвы и чтения Алкорана посещал мой дом кто-либо из соседей или гостей, я не прерывал молитву и продолжал читать Алкоран и осуществлял это не с явным умыслом, а руководствуясь нормами правил магометанства, согласно которым прерывать молитву и чтение Алкорана запрещается, невзирая на какие-либо случаи или происшествия» [ГАУО. Ф. 318. Оп. 3. Д. 319. Л. 4–5].

Необходимо отметить, что владела татарской грамотой также и его жена Фатима Шарипова, жившая в селе Грязнуха [Там же, л. 7]. При этом стоит учитывать, что уровень владения грамотой среди татар-крестьян, обращен-

ных в православную веру, был невелик. Крестьяне, умевшие читать и писать на татарском языке, составляли очень небольшой процент среди «крещеных» татар. Кроме этого, среди них не получила высокого распространения и устная традиция мусульманской молитвы. Подтверждением данному факту может служить прошение татар, обращенных в православную веру, составленное в 1827 году. Согласно прошению, большинство крещеных татар не соблюдало ни православных, ни даже мусульманских религиозных обрядов, но желало исходя из своей этнической принадлежности стать последователями ислама [Можаровский, с. 117].

В источниках, хранящихся в архивных фондах, не нашлось какого-либо факта о паломничестве в Мекку татар, обращенных в православную веру. При этом можно предположить, что данного паломничества из них никто не мог совершить, так как даже для мусульманина Симбирской губернии данное паломничество на тот момент времени было уже сродни подвигу. Всего же в губернии среди последователей исламской веры паломниками были лишь около десяти человек, главным образом муэдзины и муллы [ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 399. Л. 17, 42].

Начиная с момента завершения отступнического движения, длившегося с 1866 по 1868 гг., православные татары прекратили скрываться от глаз соседей и в глубокой тайне соблюдать исламские обряды. Православные представители духовенства были обеспокоены этим небывалым доселе явлением. Начиная с 1968 года отошедшие от православной веры татары перестали скрываться как при проведении похорон, так и при исполнении иных религиозных обрядов. При появлении нового члена семьи отец придумывал ему имя и совершал над малышом чтение религиозной молитвы. Произошло упрощение религиозных норм при вступлении в брачный союз, которое выражалось в добровольном отказе от никаха и сводилось лишь к необходимости добровольного согласия на данный союз брачующихся. Нередко встречались случаи, когда при брачной церемонии кто-либо из близких или дальних родственников совершал молитвенное чтение. Согласно архивным источникам, данные особенности отмечались в следующих селениях: Трёхбалтаево, Чичканово, Старое Чекурское, Новая Задоровка и др. [ГАУО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 50. Л. 142].

Стоит отметить, что задолго до начала масштабного возвращения в исламскую религию

татар, принявших христианство, в погребальном обряде, который осуществлял местный священник, внешний вид могил имел свои отличительные черты. Наличие данных особенностей, вероятнее всего, возникло вследствие влияния исламских традиций, которые не были искоренены из повседневной жизни крещеных татар.

Например, на кладбище дворян Стулкиных, располагавшемся в деревне Петряксы Курмышского уезда, на захоронениях отсутствовали православные кресты [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 345. Л. 2]. Об этом факте упоминал в 1880 году священнослужитель Фруентов, проживавший в селе Туруново: «<...> когда дворяне Стулкины придерживались православной веры, я совершал обряд христианского погребения <...>» [ГАУО. Ф. 340. Оп. 9. Д. 14. Л. 30].

У дворян Стулкиных, согласно сведениям, почерпнутым из архивных источников, тела усопших в местной церкви не оставляли, а панихиды по покойному осуществлялись непосредственно в их жилище. Например, летом 1880 года после смерти Афанасия Стулкина местный священник предложил членам его семьи предоставить гроб и доставить усопшего в церковь, но на эту просьбу получил отказ, мотивированный тем, что «<...> никто из числа православных татар ранее не доставлял усопших членов своей семьи в Знаменскую церковь, а проводили заупокойную панихиду непосредственно в их доме» [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 345. Л. 2]. Исходя из этого, необходимо упомянуть, что в исламе свод правил, хотя и не фиксирует прямого запрета на помещение тела усопшего в мечети, но отнюдь не одобряет [Керимов, с. 55]. По словам К. Фукс, у татар, придерживавшихся ислама, мулла сперва совершал молитву над усопшим в его жилище, а затем и около могилы, но при этом его тело в мечеть не доставлялось [Фукс, с. 85].

В связи с изложенными ранее фактами можно сделать следующий вывод: в конкретном случае с дворянами Стулкиными, принявшими православие, похоронный обряд можно считать условно христианским, так как в нем принимал участие лишь местный священник, а многие требования не исполнялись. На захоронениях отсутствовали православные кресты, молитва по усопшему осуществлялась в его жилище, а его тело предавалось земле, не помещаясь при этом в гроб. В источниках отсутствуют сведения, которые отражали бы следующие особенности, а именно: глубину моги-

лы, наличие или отсутствие ниши с правой стороны, согласно исламским канонам. По иным критериям, исключая только христианского священника и его молитвы, данный обряд подходил на исламский.

Начиная с 1866 года, принимая во внимание сведения, почерпнутые из источников, можно отметить, что число человек, участвующих в похоронном обряде у православных татар, зачастую не соответствовало общепринятому числу человек по нормам ислама. Согласно исламу, тело усопшего хоронили шесть человек, половина из них при этом находилась внизу могилы, а другая – сверху [Мухаметшин, с. 14]. В Симбирской губернии данные нормы православными татарами практически не соблюдались. Например, в деревне Полевые Бикшики [ГАУО. Ф. 340. Оп. 9. Д. 14. Л. 5] в похоронном обряде приняли участие только четыре человека [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 149. Л. 182], в деревне Ишаково – три, в деревне Пимурзино – пять [Там же, Д. 181. Л. 31], деревне Ишмурзино-Суринское – восемь [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 217. С. 10], а в деревне Сорока Сайдаки лишь один [ГАУО. Ф. 340. Оп. 9. Д. 20. Л. 4].

Кроме этого, татары, отошедшие от принятого православия, далеко не всегда осуществляли погребение усопших в рамках регламентированного в исламе срока. В некоторых случаях погребение осуществлялось либо через три дня [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 70. Л. 103], либо спустя сутки [ГАУО. Ф. 117. Оп. 8. Д. 7. Л. 9]. Согласно почерпнутым сведениям из архивных фондов, похоронный обряд в большинстве случаев осуществлялся непосредственно в день смерти усопшего [ГАУО. Ф. 117. Д. 181. Л. 14, 57]. При этом возникают сомнения в том, что татары, отошедшие от православной веры, старались осуществлять похоронный обряд именно в соответствии с требованиями шариата. Может быть, татары хоронили своих близких непосредственно в день их смерти в связи с опасением притеснения властями и православной церковью.

Начиная с середины 1860-х годов татары, принявшие православие, а впоследствии отошедшие от новой веры, по старой памяти осуществляли погребение своих усопших близких на кладбищах, выделенных крещеным татарам. Однако вид захоронений претерпел разительное изменение: на могилах были сломаны и убраны православные кресты [Чичерина, с. 145]. В последующие годы татары, отошедшие от православной веры, стали открывать и обустривать

на новой территории свои кладбища. Например, татары, принявшие православие, жили совместно с представителями чувашского народа в деревне Черепаново до 1892 года включительно, а на следующий год они начали переезжать со своими семьями на другую территорию, в результате чего возникла деревня Татарское Черепаново. До начала 1892 года у татар, отошедших от православной веры, было свое кладбище, отделенное от православного чувашского. Когда завершился процесс переселения татар, они получили по своему прошению место для кладбища за пределами деревни около дороги [ГАУО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1111. С. 5, 7].

Стоит отметить, что наличие своих удаленных кладбищ у православных татар, отошедших от веры, служит доказательством их религиозной обособленности от татар, исповедовавших ислам [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 149. Л. 166–167]. Например, в деревне Полевые Бикшики кладбище, на котором хоронили мусульман, располагалось за границей деревни на расстоянии около 75 саженей. При этом на территории деревни находилось кладбище отошедших от веры православных татар, которое они создали без получения необходимого разрешения у вышестоящих чинов. После вышедшего от представителей власти предписания, согласно которому необходимо было передвинуть кладбища на установленное законодательным актом расстояние от населенного пункта, а именно расстояние, превышавшее 250 саженей, мусульмане передвинули границы своего кладбища по одну сторону дороги на 56 саженей, а крещеные татары на противоположную сторону [ГАУО. Ф. 134. Д. 1270. Л. 15, 17].

В погребальном обряде у последователей ислама ключевым звеном является прочтение молитвы над усопшим, без наличия которой похороны считаются выполненными с нарушением [Керимов, с. 52]. У мусульман над умершим мулла совершал прочтение суры под номером тридцать шесть, а в некоторых случаях – шестьдесят семь, основной смысл которой был об участии души усопшего в ином мире. При отсутствии муллы прочтение суры совершали мужчины преклонного возраста или же кто-либо из женщин. Данная церемония осуществлялась в жилище усопшего представителя ислама. Совершив вынос тела покойного из его жилища, похоронная процессия ненадолго задерживалась около мечети, рядом с которой совершалось чтение небольшой молитвы – «Дже-наза», а затем уже рядом с местом погребения

осуществлялось прочтение шестьдесят седьмой суры, носившей название «Мульк» [Фукс, с. 86–87].

В большинстве архивных источников находят подтверждения тому, что вовремя похоронного обряда православными татарами читалась молитва [ГАУО. Ф. 117. Оп. 6. Д. 8. Л. 11]. Например, житель деревни Полевые Бикшики Мазит Атнагуллов в 1968 году вместе с пятью отошедшими от православной веры татарами совершил похоронный обряд над своей матерью в отсутствие муллы, так как тот не согласился участвовать в нем. Шесть человек совершили чтение мусульманских молитв над усопшей [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 149. Л. 166]. В той же деревне православный татарин Герасим Михайлов, осуществлявший похоронный обряд над отцом, лично участвовал в его погребении и прочел над его телом «молитву из Аль-корана, осуществляя спуск его тела в приготовленную ранее могилу» [Там же, л. 173–174]. Подобный случай был и в деревне Ишаково, где при осуществлении погребального обряда над Сергеем Анисимовым по инициативе близких усопшего мулла прочитал молитву. Исходя из указанных выше сведений можно предположить, что татары, отошедшие от православной веры, совершали чтение молитвы рядом с заготовленной могилой, скорее всего, игнорируя молитвенное чтение у мечети.

Сведений, в которых раскрывалась бы суть самой молитвы, сохранилось мало. Например, в 1868 году Хуснетдин Измайлов, который проживал в деревне Сорока Сайдаки, при похоронах своего отца осуществил прочтение над его телом молитвы «Бисмилля-и-рахман-Рахим» [ГАУО. Ф. 340. Оп. 9. Д. 20. Л. 2–3]. Данное высказывание служит начальной частью суры в Коране, и если попытаться передать ее содержание на русский язык, то можно интерпретировать ее так – «Во имя аллаха милостивого и милосердного» [Коран]. В связи с этим практически невозможно с уверенностью утверждать, что Хуснетдин Измайлов был знаком с содержанием суры тридцать шестой либо шестьдесят седьмой суры, чтение которых осуществлялось во время проведения похоронного обряда. Если допустить предположение, что Хуснетдин познал содержание молитв от своих близких родственников, то, вероятнее всего, на похоронном обряде он совершил чтение именно первой суры, которая достаточно простая для запоминания.

Согласно ряду сведений, в похоронном обряде зачастую принимали участие и люди пре-

клонного возраста, которые приходили по просьбе членов семьи умершего для прочтения над его телом молитвы [ГАУО. Ф. 117. Оп. 6. Д. 8. Л. 11]. Один из таких случаев произошел в деревне Полевые Бикшики в 1967 году, когда родственники осуществляли похоронный обряд над Алексеем Николаевым. Приглашенный ими мулла не согласился принять в данном обряде участие, из-за чего членам семьи покойного пришлось обратиться к пожилым представителям православных татар [ГАУО. Ф. 340. Оп. 9. Д. 14. Л. 5]. Необходимо особо выделить, что подобная практика получила распространение также и у татар, придерживающихся ислама. Однако татары-мусульмане приглашали своих пожилых представителей для того, чтобы осуществить молитвенное чтение, в исключительных случаях, главным из которых было отсутствие на похоронном обряде служителя мусульманского культа.

Таким образом, упомянутые ранее сведения, которые непосредственно затрагивают церемонию проведения похоронного обряда у татар, отошедших от православной веры, позволяют прийти к следующему заключению: данный обряд имел свои отличительные черты по сравнению с татарами, исповедующими ислам. Одной из такой характерных черт было то, что у крещеных татар служитель мусульманского культа не принимал участия в похоронной церемонии и не осуществлял молитвенное чтение. Погребение усопших при этом осуществлялось на своем удаленном от мусульманских татар кладбище.

Общепринятые в исламе нормы, которые необходимо было соблюдать во время похоронного обряда, в большинстве случаев крещеными татарами не соблюдались по тем или иным не зависящим от них причинам. Нарушались непосредственно такие нормы, как срок похорон, молитвенное чтение, так и количество людей, принимавших участие в похоронном обряде. Среди сведений, почерпнутых из архивных фондов, не сохранилось какого-либо упоминания о практике осуществления подготовительных мероприятий над телом усопшего, а также о поминальном обряде после осуществления захоронения.

Кроме траурного ритуала, в повседневной религиозной жизни православных татар существовали также и религиозные обряды по наречению имени и вступлению в брачный союз. В архивных источниках находятся многочисленные свидетельства, согласно которым в семьях

православных татар до момента их возвращения в ислам зачастую младенцы нарекались как общепринятыми в христианстве именами, так и исключительно татарскими [ГАУО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 21. Л. 7]. Однако данное обстоятельство не носило религиозного подтекста.

Только тогда, когда православные татары вернулись в ислам, они кардинальным образом пересмотрели свое мнение о значимости данного религиозного обряда. С этого момента имя, даваемое младенцу, не только идентифицировало его носителя как представителя татарского народа, но и служило характерной чертой, подчеркивающей его принадлежность к исламской религиозной общине. Одним из примеров, подчеркивающих степень важности соблюдения религиозного обряда, по мнению вернувшихся в ислам крещеных татар, может служить допрос Зедихана Гафарова, который был вынужден из-за своего отхода от православия перебраться из родной деревни Новые Какерли в соседнее село Карлинское. Согласно протоколу допроса, Зедихан признался в том, что он не стал крестить свою дочь по православному обычаю, так как считал это большим прегрешением перед исламским законом, в результате чего назвал дочь татарским именем [ГАУО. Ф. 318. Оп. 3. Д. 302. Л. 1–5].

У «отошедших» от православной веры татар младенцу присваивал имя в основном глава семейства – отец ребенка [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 149. Л. 226]. Именно он осуществлял молитвенное чтение над своим младенцем. Однако, согласно полученным из архивных материалов сведениям, встречались также и некоторые исключения, одним из которых было то, что иногда вместо отца семейства младенцу присваивала имя «повивальная бабка» [ГАУО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 50. Л. 142]. У татар, последователей ислама, при рождении младенца в жилище приглашался мулла, который осуществлял религиозный обряд, получивший название «ат кушу» [ГАУО. Ф. 322. Оп. 3. Д. 8. Л. 12–13]. В данном обряде принимали участие исключительно мужчины, а его итогом было занесение имени ребенка служителем религиозного культа в специальную метрическую книгу [Фукс, с. 84].

Отмечались также и значительные изменения в семейном положении, произошедшие после массового отступнического движения крещеных татар. Ранее крещеные татары старались придерживаться общепринятой в христианстве нормы, согласно которой допускалось наличие не более одной жены, однако после ослабления

давления на татар со стороны властей, большинство из них перестало соблюдать эту норму и перешло к многоженству. Например, сохранились следующие сведения Кайсаровского волостного правления, согласно которым в марте 1866 года православный татарин Иван Афанасьев, проживавший в деревне Елховоозёрная, уже имея жену, вступил в брачный союз с другой женщиной, который благословил мулла Феткулла Насардинов [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 149. Л. 39].

Но встречались также и случаи, когда крещеные татары женились во второй раз и, опасаясь преследования властей, всячески скрывали данный факт. Например, крещеный татарин Семен Степанов, проживавший в деревне Трёхбалтаево, в семье которого была жена и рожденные в союзе с ней пятеро детей, женился во второй раз на своей племяннице Никандре Ивановне. Так как данный факт произошел еще до возвращения его в ислам, он временно вернул жену с родившимся ребенком ее отцу. После того как он перешел в ислам, перестал скрывать данный факт [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 213. 87 об.]. Многоженство получило массовое распространение к концу XIX столетия. По две жены имелось у Ивана Титова, Тухветуллы Губейдуллова и у Дениса Алексева [Там же. Д. 578. Л. 139].

После окончания отступнического движения православные татары стали игнорировать обряд церковного венчания, а брачный союз заключался на основе достижения согласия между отцом и матерью молодоженов и закреплялся прочтением небольшой молитвы. В июле 1868 года, как отмечал пристав Буинского уезда, татары, отошедшие от православной веры, при закреплении брачного союза игнорировали обряд венчания в церкви и ограничивались лишь тем, что уточняли согласие у брачующихся [ГАУО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 50. Л. 142, 159].

Например, в деревне Буинка, согласно полученным из источников сведениям, в частности воспоминаний татарина Сагдетдина Фахардинова о брачной церемонии, «<...> брачный союз закреплялся следующим образом, в жилище жениха приходил отец невесты, и уточнял, согласен жених на брак или нет, если да – то произносил „Аминь“ и церемония осуществлялась» [ГАУО. Ф. 117. Оп. 8. Д. 244: 11].

Иногда родители не участвовали в брачной церемонии. Например, жена Бикини Мукасева вспоминает: «В тот день, когда я вышла замуж, я не венчалась с ним в церкви, и мы не совер-

шали исламского обряда, ограничившись лишь небольшой молитвой на татарском языке, после чего он увез меня к себе домой» [ГАУО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 50. Л. 158]. Данный факт говорит о том, что брак заключился по согласию жениха и невесты. Необходимо отметить, что брачная церемония православными татарами, жившими в Симбирской губернии, не считалась религиозной [Мухамедова, с. 164].

В брачном обряде у татар, исповедующих ислам, акцентировалось внимание на проведении сговора отца и матери жениха и невесты о брачных условиях при непосредственном присутствии муллы, совершавшего «никах». После этого брак считался одобренным и заключенным. У православных татар, отошедших от веры, брачная церемония проходила иначе. Например, в 1849 году татарин Абрахман Халитов, живший в деревне Бюрганы, сразу начал жить совместно со своею женой, не осуществив брачную церемонию ни по православным канонам, ни по мусульманским [ГАУО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 50. Л. 163]. Подобный случай произошел и в деревне Нижний Нарадбаш, когда в 1869 году Тимербулат Тугеев женился на Галие Галеевой [ГАУО. Ф. 340. Оп. 10. Д. 6. Л. 3]. Можно предположить, что православные татары, отошедшие от веры, считали проведение брачной церемонии необязательной частью, в связи с чем зачастую упускали ее, а сразу начинали жить совместно. Одним из условий такого брака была лишь необходимость согласия невесты.

Вторая половина XIX столетия ознаменовалась тем, что в семьях крещеных татар центральное место занял вопрос об осуществлении воспитания детей в соответствии с исламскими обычаями [ГАУО. Ф. 117. Оп. 6. Д. 2. 6 об.]. Отцы и матери старались всячески привить любовь к исламу своим отпрыскам с младенчества, даже доходило до того, что детям запрещалось придерживаться христианских обычаев. Например, в селе Сосновка Сенгилеевского уезда дети не придерживались христианской веры из-за строжайшего запрета со стороны родителей [ГАУО. Ф. 124. Оп. 3. Д. 492. Л. 3].

Таким образом, именно во второй половине XIX столетия татары, отошедшие от православной веры, в повседневной жизни приближались к татарам-мусульманам. Крещеные татары вели образ жизни последователей ислама [ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 578. Л. 52, 53, 66, 98, 117, 128], а их жилища соответствовали татарскому стилю [Там же. Д. 345. Л. 3]. Таким образом, татары, отошедшие от православной ве-

ры, постепенно возвращались к общепринятому в исламской среде образу жизни и культуры.

Литература

ГАУО (Государственный архив Ульяновской области).

Жизнь человека от купели до погоста (Народные обычаи, молитвы, правила и кодекс поведения православного человека во время важнейших событий его земного бытия) / Сост. В. А. Алексеев, И. А. Панкеев. М.: Россия молодая, 1996. 272 с.

Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978. 222 с.

Коран / пер. с араб. акад. Л. Ю. Крачковского. М.: СПИКПА, 1990. 511 с.

Можаровский А. Ф. Изложение хода миссионерского дела. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1880. 262 с.

Мухамедова Р. Г. Татары-мишари: этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 248 с.

Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). М.: изд-во «Наука», 1977. 184 с.

Фукс К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении / переложение на современный русский язык А. Г. Хорошавиной; науч. ред. и предисл. И. И. Бикеева. Казань: изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. 107 с.

Чичерина С. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб.: тип. В. Я. Мильштейна, 1905. 210 с.

МӨСЕЛМАННАРНЫҢ ИЖТИМАГЫЙ ҺӘМ ДИНИ ТОРМЫШ РӘВЕШЕ ҺӘМ ЙОЛАЛАРЫНА ХАС ҮЗЕНЧӘЛЕКЛЕ СЫЙФАТЛАР

Рәшит Алим улы Мөхәммәдов,

И. Н. Ульянов исемендәге Ульяновск дәүләт педагогика университеты,
432071 Ульяновск, В. И. Ленинның тууына 100 ел мәйданы, 4 нче йорт,
rasit56@mail.ru

Әлеге мәкалә мөселманнарның социаль һәм дини көнкүреше асылын, шулай ук ислам вәкилләре үткәрә торган йолаларга хас сыйфатларны ачыклап бирә. Автор христиан динен кабул иткән һәм соңыннан үз теләкләре белән әлеге диннән ваз кичкән татарларның XIX гасыр дәвамында йолаларны ислам динендәгеләр кебек үк үтәүләренә игътибарын юнәлтә. Православие динендәге татарларның ислам динен яшерен рәвештә тотулары әлеге йола практикасының алшарты булып тора. Мәкаләдә Ульяновск өлкәсе дәүләт архивында (ГАУО) сакланган материалларны тирәнтен һәм жентекләп тикшерү нәтижәсендә алынган күп санлы мәгълүматлар китерелә. Әлеге мәгълүматлар автор тарафыннан элек тәкъдим ителгән фикерне раслыйлар. Автор фикеренчә, православие динендәге татарларның массакуләм рәвештә ислам диненә кире кайтулары башлануы 1866 нчы елдан 1868 нче елга кадәр дәвам иткән ваз кичү хәрәкәтенә тәмамлануы дип санарга мөмкин. Нәкъ менә 1868 нче елдан, православие руханилары һәм хакимиятнең борчылуына карамастан, православие диненнән киткән татарлар, кешеләрне күмгәндә дә, башка дини йолаларны үтәгәндә дә, жәмәгатьчелектән яшеренми башлыйлар. Православие диненнән «киткән» татарларның йолалары әкрәнләп ислам башлангычына кайта. XIX гасыр ахырына керәшен татарлары гаиләләренә күпчелегендә балаларны ислам дине кануннары нигезендә тәрбияләү белән бәйлә сорау төп урынны алып тора башлый. Автор XIX гасырның соңгы елларында керәшен татарлары арасында исламга нигезләнгән көндәлек тормыш рәвеше һәм мәдәнияткә әйләнеп кайту тенденциясе күзәтелүне игътибар үзәгенә куя.

Төп төшенчәләр: керәшен татарлары, мөселманнар, ислам, ваз кичү хәрәкәте, әл-Коръән, никах, мулла, йола.